

ВАСИЛЬ БЫКОВ: «И БЫЛ ФРОНТ, И БЫЛА ВОЙНА, И БЫЛ ПЛЕН...»

Предыстория

Беседа с Василём Владимировичем Быковым состоялась 13 мая 1988 года в Минском Доме литератора. С согласия Василя Владимировича она была записана на диктофон и сейчас публикуется впервые. В то время под научным руководством Алеся (Александра Михайловича) Адамовича – большого друга и самого глубокого знатока творчества писателя – я завершал работу над кандидатской диссертацией на тему: «Антивоенная направленность творчества Василя Быкова» и, по рекомендации Александра Михайловича, представлял Василю Владимировичу основные выводы исследования. Это была первая встреча с великим Быковым, на которую я шел в огромном волнении, пытаясь побороть собственную робость.

Тогда я еще не знал, что это знакомство подарит мне счастье многолетнего общения с человеком необыкновенной доброты, искренности и сердечности – вплоть до нашей встречи в августе 2001 года, когда по воле причудливых обстоятельств мне довелось побывать в гостях у Василя Владимировича и Ирины Михайловны Быковых во Франкфурте-на-Майне и увидеться с любимым писателем и дорогим человеком в последний раз, навсегда запомнив его дружеское прощальное объятие... Но в мае 1988-го мне (по твердому моему убеждению) предстоял экзамен у самого автора – живого классика белорусской литературы, не говоря уже о «военной» прозе, и дальнейшего продвижения вперед в своих литературоведческих штудиях без такого испытания я для себя не мыслил.

Василь Владимирович очень внимательно, терпеливо выслушал мой доклад, ободрил поддержкой и согласился ответить на вопросы, которые, как и направление всей беседы, лежали в русле диссертационного исследования. По обыкновению размышления Василя Владимировича приобрели фундаментальный характер, который с течением времени всё более очевиден и, думается, остро востребован нашей современностью.

Иван Афанасьев

ИВАН АФАНАСЬЕВ. *Василь Владимирович, вопрос о нравственных приобретениях и нравственных издержках войны. И Вы в своём докладе «Наша сила и воля» на Минской (1983 года) конференции с озабоченностью говорили об этом, о том, что нужно поддерживать, нужно не терять фронтовые узы, фронтовое братство как момент высшего нравственного единения людей. Ну а с другой стороны: не слишком ли сильны нравственные утраты? Что в итоге перевешивает на весах истории? С одной стороны, фронтовое братство, а с другой – человек поставлен в такие условия, когда он не только может, не только видит, но и должен совершать тяжёлые*

поступки: должен убивать, то есть заниматься тем, что вообще противостоит и что теми же нравственными нормами в нормальном человеческом обществе и при нормальном течении жизни запрещено. Естественно, происходит надлом. И не получается ли, что этот надлом, который, может быть, не сразу проявился после Победы, после всеобщего подъёма, затем начинает даже преобладать, довлеть над приобретениями нравственными на войне? Вот Вы в романе «Карьер» говорили, кстати, о нежелательной мутации сознания от постоянного ощущения опасности, нависшей над людьми, о том, что угроза ядерной войны объективно вызывает такое состояние. Но это пока еще только угроза. А как же быть, если человек в действительности видит на войне уничтожение самого главного в человеке, подрыв человеческих основ?

ВАСИЛЬ БЫКОВ. Видите ли, если рассуждать абстрактно, то это несомненно. Но всё дело в том, что мы действовали, народ действовал в конкретно-исторических обстоятельствах. А эти обстоятельства были таковы, что извечное, нравственное было отодвинуто, может быть, на задний план. И люди не только с марксистской, но и с христианской идеологией всё-таки уяснили себе, что необходимо победить – стало быть, убить немецкий фашизм, что другой возможности для разрешения этого глобального конфликта в то время не было. Поэтому пришлось переступить через многие запреты, не только общечеловеческие, но в данном случае и христианские. И только таким образом можно было защитить жизнь, и культуру, и цивилизацию современную на этой планете, потому что прошлая война всё-таки отличалась от многих предыдущих войн. Если, например, Первая мировая война ставила на карту какие-то государственные интересы, границы политические, экономику, экономические связи, то, как известно, прошлая война в этом смысле была гораздо более грозной. В случае осуществления этой новой угрозы человечеству неизвестно, как бы пошла дальше вся наша история земная. Поэтому мы, воевавшие, не очень задавали себе в то время такого рода вопрос: нравственно или нет, скажем, убить фашиста. Убить-то необходимо, потому что, если не убить его, он убьёт тебя. И не только тебя убьёт, а ещё более того: его победа распространится на народы, на историю и на будущее, на судьбы территорий...

И.А. *А как вы тогда относитесь к утверждению П.М. Топера по поводу «Третьей ракеты»? О сцене, где герой произносит свой антивоенный монолог про обожжённого немецкого танкиста, он говорит, что в этом есть что-то... даже не совсем правильное...*

В.Б. Нарочитое...

И.А. Да.

В.Б. Может быть, именно для того времени это было нетипично, это было нарочито. Но где-то, в каком-то сознании каких-то людей что-то прорывалось. Это безусловно. Но оно не имело решающего значения и не влияло на поступки воюющих.

И.А. *Но ведь появление такого монолога – это уже выход на проблемы будущего. Это уже сознательная авторская задача, наверное?*

В.Б. Ну, не то что задача. Вы ведь знаете, что в художественном произведении не всё рационально, не всё строго сконструировано и действует в направлении какой-то идеи... Эта алогичность и в сознании, и в поступках, – как в жизни, так и в литературе, – вполне естественна.

И.А. *Вы, наверное, тоже читали в «Литературной газете» выдержки из дневников В.И. Вернадского. Он пишет, что в мировом столкновении мы – тоталитарное государство, вопреки тем принципам, которые вели нашу революцию и которые явились причиной нападения на нас фашистской Германии. Мне хотелось у Вас спросить, Василь Владимирович: есть ли какая-то связь между этой мыслью и проблематикой «Мёртвым не больно»? И если да, то насколько проблематика «Мёртвым не больно» и, в частности, образ особиста Сахно как представителя определённой силы нашего тогдашнего общества, присутствие которой даже в тех нечеловеческих условиях приводило к ненужному ожесточению, обязана этой мысли, этому положению? Или высказывание Вернадского – это просто смятение человека?*

В.Б. Это не смятение. Дело в том, что люди типа Вернадского – это мыслители. А ещё более важно, что это люди всё-таки прошлого столетия, прошлого века. Это люди, воспитанные на русской философской мысли. Они видели больше, чем в своё время видели мы, молодое поколение, участники войны. Они могли проникать глубже в природу человеческого общества, человеческую природу. Они видели это сходство, дух системы, несомненно тоталитарной. Мы же, воевавшие, считали тоталитарной ту систему. Свою, конечно, мы не относили к тоталитарной системе. Хотя она была несомненно и тоталитарной, и автократической. Но, чтобы понять это, надо было дожить до многих последующих событий.

И.А. *Но Сахно... Не есть ли его образ осколок этой системы?*

В.Б. Конечно... Не только Сахно – их было очень много. Их было очень много. Но там случай несомненный. Сахно – один из тех людей.

И.А. *Василь Владимирович, если позволите, вопрос такой. Сейчас как философски, так и психологически стоит вопрос о стереотипе образа врага. И в Ваших произведениях на военную тему появляется немец: немец в*

«Одной ночи» и пленный немец в «Мёртвым не больно». Отношение наших людей к нему различное. Но и по-человечески к нему относятся. По Вашему мнению, не выходят ли эти произведения на нынешние проблемы? И если да, то в какой степени эта тема или эта проблема может участвовать в разрушении стереотипа врага как целого феномена сейчас?

В.Б. Я думаю, что может. Потому что, конечно, и фашизм, и немецкая армия, оккупировавшая наши земли, создали определённый образ врага, можно сказать – классический образ. Всё, что присуще врагу как типу, было осуществлено во время войны. Но, наверное, в какой-то мере, а может быть, и в полной мере, это присуще, наверное, всем войнам, всем завоевателям. Может быть, всем армиям даже. Но, тем не менее, всё-таки мы знаем и примеры обратного свойства. Хочу сказать, что до начала войны немецкий фашизм господствовал в Германии каких-нибудь 8 лет. Допустим, в течение войны срок этот достиг 10 лет, немножко больше. И за это время, конечно, фашизация, расчеловечивание сознания многого добились с людьми, но всё-таки, наверное, задачу тотального расчеловечивания не выполнили. И среди немцев ещё оставалось много в нашем понимании даже порядочных людей. Традиция немецкого пруссачества включала в себя, конечно, зверские черты, но в то же время и черты какой-то солдатской порядочности. В качестве примера могу привести хотя бы тот известный факт, что Паулюс – этот, так сказать, классический представитель немецкого пруссачества – будучи командующим 6-й армией, отменил в своей армии приказ Гитлера об уничтожении в прифронтовой полосе коммунистов и евреев. Он сказал, что это не в традициях германской армии и потому такой приказ армейским подчинённым дать не может. Это, в общем, довольно непонятный поступок с точки зрения любой военщины. Ну а потом еще надо иметь в виду христианскую традицию, хотя фашизм её, надо сказать, подвёл основательно в Германии. Но всё-таки за ней стоят столетия воспитания. А она, как известно, повлияла на воспитание нравственности. Поэтому наряду с примерами жестокости, массового уничтожения, геноцида, которые укладывались в политику верхов и шли от высших эшелонов германской власти, от фашистской верхушки, по сути дела – от Гитлера, где-то в низах находились люди, может быть, по преимуществу поколения старшего, которые в какой-то степени были свободны от многих постулатов фашизма или игнорировали их. В своих поездках в Германию я встречался с разными людьми. Ясное дело, что я сужу о них не по их поступкам, а по их словам, но, тем не менее, приходится верить. И лишний раз убеждаешься, что влиять кардинальным образом на политику фашизма и фашистской армии, оккупационной армии они не могли, но всё-таки каким-то образом они эту политику смягчали. То есть она не достигала должного эффекта ввиду того, что в наших людях они не чувствовали врагов, которых надо истреблять. Кроме того, я знаю свидетельства, которые совершенно не вписываются в контекст образа врага, и, может быть, еще использую в своем творчестве. Это нечто совсем другое. Были случаи, когда немцы освобождали,

выпускали, спасали. Я думаю, что и в документальных вещах («Я из огненной деревни» и других) это обнаруживается.

И.А. *Здесь, наверное, и проблема внеустановного, что ли, «внеармейского» поступка...*

В.Б. Конечно, конечно.

И.А. *Как Вы считаете, насколько она актуальна? И какой она должна быть в нашей литературе? Внеустановное отношение к жизни, внеустановное отношение к человеку в тех условиях, когда всё подчинено именно уставным взаимоотношениям, потому что сама ситуация агрессии, войны требует такого порядка вещей? Можно ли говорить о развитии этой темы?*

В.Б. Наверное. Наша литература просто этим не занималась. Естественно, её возможности были ограничены в этом смысле. Но всё-таки в проявлении проблемы есть разные стороны. Наш устав ведь тоже не какая-то прелесть. Там всякого достаточно. Тем более, что армейские уставы не изменялись на протяжении десятилетий, и там всё было. Многие отменены как совершенно нелепое, как противоправное, но ведь когда-то оно было и действовало. И, конечно, нравственному человеку действовать согласно безнравственным требованиям было очень непросто. Это всегда был конфликт. Скажем, очень маленький такой момент, который, я не знаю даже, есть ли сейчас в уставах или нет. Но когда-то, в моей службе, был. Например, начальник караула всегда должен проверить документы командира части, его удостоверение личности. На практике это всегда вызывало конфликты. Ну как начальнику караула, сержанту или лейтенанту, требовать документы у командира полка, допустим, у подполковника, когда тот вчера сам инструктировал его перед заступлением в караул?! Порядочность в данном случае побеждала эту требовательность, норму уставную. И каждый раз в таких случаях начальник караула был наказан. Имелся и целый ряд других нелепых требований, военных регламентаций, которые вступали в противоречие с нравственностью человеческой, с совестью. И это непременно оборачивалось каким-то конфликтом. Сейчас, правда, совсем другое имеется в виду под «неустановными отношениями» в армии: проблема «стариков» и т.д. Это, по-моему, обыкновенное хамство, которое ещё из бурсы ведётся, может быть. Да и вообще в жизни этого достаточно, но если перевести, переложить на наукообразный язык... Если один человек, так сказать, другому набил морду, при чём здесь какие-то «высокие», неустановные или другие отношения? Это просто есть мордобой. Так это и надо расценивать. Так вот, для того, чтобы не шокировать, не эпатировать публику, военные теперь и придумали «неустановные отношения». Чтобы не говорить «мордобой».

И.А. *Спасибо, Василь Владимирович. Вот ещё вопрос, если позволяет время...*

В.Б. Пожалуйста.

И.А. *На Ваш взгляд, какие стереотипы героического ещё существуют, требуют разрушения, преодоления их?*

В.Б. Я думаю, что в мирной жизни должны быть созданы такие условия, когда бы человек не оказывался перед необходимостью героических поступков. Потому что всё-таки это противоестественно человечеству. Другое дело – в ситуации пограничной, экстремальной, как на войне, например. И то ведь государство (или общество), если иметь в виду войну нашу прошлую, должно было обеспечить своим воинам такие условия, при которых они должны были победить с наименьшими потерями, с наименьшей кровью. Но когда государство в силу различных причин не может этого добиться, тогда требуется массовый героизм. Так и было в советское прошлое. Но это война всё-таки. Там противодействие противника может оказаться (как в данном случае) сильнее. В мирной жизни какая надобность бросаться под автомобиль или под поезд? И кто имеет моральное право требовать это от человека? Конечно, человек может решать каждый раз сам, но каждый раз только за ним остаётся право решать это. В ряде случаев, как показывает наш многолетний жизненный опыт, обнаруживается, что там, где проявляется героизм, – там где-то очень близко за ним бежит преступление. Поэтому искоренение преступлений и есть, по сути дела, борьба с героическим. Когда не будет преступлений, не надо будет человеку совершать что-то в противостоянии или, тем более, жертвовать жизнью. И это естественно, это абсолютное право граждан, я думаю – в любом обществе, в любом государстве. Но мы не достигли ещё такого состояния. Поэтому, когда один напьётся и заснёт и загорится коровник, от другого требуется пожертвовать своей жизнью для того, чтобы спасти несколько десятков телят, которые, в свою очередь, пойдут на выполнение плана. Это прекрасно, так сказать... Но! Этот человек оставляет двоих детей сиротами, жену – вдовой, он родителей-стариков лишает себя. Вот чем оборачивается такого рода героизм.

И.А. *А на военном материале, в военных условиях разрушение этого стереотипа? Вот в Ваших произведениях: это поступок комбрига Преображенского из «Мертвым не больно» или поступок Мороза из «Обелиска»?*

В.Б. Ну, это несколько другое. Это всё несколько другое. Как известно, лейтенант Шмидт пошёл руководить восстанием, с решением о начале которого он не был согласен. А потом он пошёл и под расстрел. Но с таким уровнем нравственности иначе он поступить не мог. В данном случае ясно,

что выбор и решение целиком принадлежат ему. Бывают такие случаи, конечно. Ничего не скажешь. Пожертвование своей жизнью во имя жизни ближнего, товарища: «сам погибай, но товарища выручай», – это всё понятно. Понятно и, наверное, естественно. Но, по крайней мере, в мирной жизни всё обстоит несколько иначе. Вот когда, скажем, человек бросается на железнодорожные пути под колёса проходящего поезда, чтобы спасти ребёнка, – это одно. А если он гибнет на поле, когда загорелся хлеб, – это уже несколько другое. Это не оправдывает героизм. И в этом ничего героического я не вижу, а вижу только безрассудство, сродни пьяному безрассудству.

И.А. *Я коснусь, Василь Владимирович, повести «Сотников». Ваше отношение к нынешним спорам о ней? Не изменилось ли Ваше отношение к Рыбаку? Или вообще оценка той ситуации? Потому что в «Карьере» главный герой даёт подписку о сотрудничестве с немцами и как человек положительный преследует цель стать в строй борцов. Или Семён Семенов из этого же романа: чтобы попасть в партизаны, он вынужден добыть оружие, и идёт в полицаи. Фактически он опять-таки становится на край пропасти, ведь и его тоже могли заставить участвовать в какой-то акции, поставить перед тем же выбором, что и Рыбака.*

В.Б. Да. Конечно. Но, видите ли, я меньше всего преследую какие-либо дидактические цели. Я просто оперирую жизненным материалом. Ясное дело, что жизнь всегда сложнее каких-то установок. Всегда сложнее. И вот эту сложность я хотел показать в данном случае. И, может быть, в поступках Мороза, может быть, того же Рыбака... У меня часто спрашивают: «Ну, что он – предатель, не предатель?...» Я не знаю. Я не знаю. Потому что это только один из его поступков. А последующие – еще где-то за рамками повести. Поэтому он мог вполне и поучаствовать дальше в карательных акциях, и убивать, и стать убийцей. Мог, допустим, увидев, к чему его готовят, – вернуться, перебежать к своим. Свои могли его застрелить: великолепно... Могли его послать куда-то. Например, в штрафники, чтобы он искупил там эти подозрения. В общем, могло быть по-разному. Но такая задача уже не стояла. Тут я уж не знаю... В том, что касается войны, всегда, почти всегда обстоятельства сильнее человека. Я имею в виду прошлую войну нашу. И человек в единоборстве с этими обстоятельствами очень редко одерживает победу. Или же победа его может быть только вот такого характера, как у Сотникова.

И.А. *«Мертвое» доказательство.*

В.Б. Только такая победа. Потому что обхитрить, обойти, победить обстоятельства, в общем, практически было невозможно. Кому-то, может, каким-то ловким образом удавалось выкрутиться, как, например, Семену Семенову. Но и здесь: как сказать... В конце концов этих людей, если они и

одерживали победу в каких-то мелких стычках, жизнь всё-таки расплющивала. Того же Семёнова.

И.А. *Заканчивая разговор о «Карьере», хотел бы спросить: можно ли вообще говорить о некоей нравственной альтернативе в «Карьере»? Я возвращаюсь к образу попадьи Барановской, вспоминая при этом слова академика Лихачёва о том, что христианство – это не идеология, а мировоззрение, поскольку идеология может быть буржуазной / социалистической, а христианство – это просто мировоззрение, подкреплённое какими-то этическими нормами поведения в жизни и в быту.*

В.Б. Конечно.

И.А. *Значит, можно говорить о нравственной альтернативе как выходе из известного противоречия «Ratio – Логос»? То есть не «рациональное», а человеческое?*

В.Б. Да, конечно. Я думаю, да.

И.А. *Василь Владимирович! По-моему, в 1986 году Вы говорили, что сомневаетесь в необходимости некоей «сверхлитературы». А затем, позже признали «сверхлитературу» (т.е. литературу, которая непосредственно решает антиядерную задачу) в качестве гипотетического императива нашего времени. Вы определили ее как литературу очень высокого гуманистического накала, звучания. В чём Вам видятся ее перспективы и пути выхода нашей литературы о прошлой войне на позиции «сверхлитературы», т.е. литературы, которая напрямую борется с новой угрозой?*

В.Б. Да, мы с Адамовичем об этом говорили давно. Всё дело в том, что он выдвинул эту концепцию, но не дал исчерпывающей характеристики. Наверное, у него её, в общем-то, и не было. Но если говорить в общих чертах – конечно, это литература, которая противостоит будущей войне. Но ведь будущей войне противостоит многое и в литературе прошлого. Поэтому моё расхождение с ним тогда было в том, что не надо чего-то «сверх» – надо продолжать, только с большим накалом, более талантливо, то гуманистическое направление, что издавна существовало в нашей литературе. Ведь гуманистические традиции всегда будут работать на человека. Особенно, если иметь в виду наше общество. Это для Запада гуманизм уже стал чем-то приторным. «Наелись», так сказать. А для нас ещё, слава Богу, ничего. Мы ещё к этому не подошли как следует. Осталась, конечно, литература прошлого, классическая литература. И это очень важно и дорого в нашей жизни. Но Адамович, судя по его повести «Последняя пастораль», видимо, предполагал что-то ещё сверх того. Это хорошая повесть, я её люблю. Она впечатляет, впечатляет очень сильно. Но, если

говорить о себе, я просто не обладаю качествами для создания такого рода образов. Поэтому я думаю, что опыт прошлой войны, разработанный на всю глубину нашей литературой, и заложит какие-то основы «сверхлитературы» в понимании Адамовича.

И.А. А Вы не могли бы сейчас сказать, какие проблемы нашей литературой о войне ещё не затронуты, обойдены?

В.Б. Я думаю, что очень многие. Прежде всего, мне видятся проблемы нравственности. Ведь на войне проявилась вся сущность жизни: и идеология, и мировоззрение, и быт, и взаимоотношения человеческие, межнациональные – самые разные. Всё там проявилось. Причём, в отличие от обычной жизни, мирной жизни, где это всё проявляется несколько смазанно, растянуто, неярко, неявно, как болезнь хронического больного, на войне это в концентрированном виде проявилось: резко, отчётливо. Проявлялось каждый день. В боевой обстановке сразу определялось, кто есть кто. Кто каков есть. И литература из всего этого наиболее «отработала» лирическую часть. Вот героическую часть наша литература «отработала» до конца. Наверное, в области самопожертвования уже вряд ли что осталось новое. Но были люди, которые совершали самопожертвование, и были те, которые их к этому подводили. А вот эти люди обычно остаются в тени. Даже более того. Буквально на днях напечатан в «Советской России» большой материал о батальоне одной дивизии, которая защищала Сталинград. Этот батальон (количеством около ста человек) оборонял вокзал. Там сначала бил он немцев, а потом немцы его там окружили и почти весь уничтожили. Но... всё-таки уничтожили не весь. Какие-то остатки, полтора – два десятка человек, выжили, пробившись назад к своим. Но дело в том, что, во-первых, определённо не была в окружении оказана помощь, хотя, допустим, такие ситуации случались. Тут, может быть, никто не виноват. Батальон там был обречён. Но далее. После того, как он был уничтожен, это быстренько было доложено наверх, и он был вычеркнут в качестве погибших героев. И поэтому люди, которые там всё-таки остались, уже не были приняты в расчёт. Они просто были нежелательны. Они не существовали. Они уже переселились героическим образом, так сказать, на небеси. И вот их игнорируют до сих пор. До сих пор... Их не наградили ничем. Они потом воевали в других частях. Некоторые до сих пор живы, некоторые погибли потом, некоторые умерли после войны. Но до сих пор этот их подвиг вроде бы вне закона. Хотя, казалось бы, почему же? А всё потому, что в случае героической гибели спроса нет ни с кого, то есть они до конца исполнили свой долг. Но, оставшись живыми, они могли что-то свидетельствовать. И не только «за», но и «против». Поэтому они были нежелательны, все их отторгли. И это продолжается вот уже более четырех десятков лет после войны. Вот отношение к подвигу. То есть у нас очень любят погибших, или умерших. Это ведётся давно: в литературе, в жизни и на войне. Вот я сейчас ехал в троллейбусе и видел, как во Дворце

профсоюзов стоит очередь на выставку вашего речицкого художника Исачёва. Никогда таких очередей на выставках наших художников не было. Почему? Конечно, совсем не потому, что он гениальнее всех прочих. А потому, что он уже не живой. Он умер. Сходная судьба постигла когда-то поэта Надсона. Потом – актёра и барда Высоцкого. Смерть как бы возносит на большие высоты и делает человека – художника, деятеля какого-нибудь – уже недоступным. Мёртвые герои предпочтительнее живых.

Еще один из моментов прошлой войны. Такая история получилась с панфиловцами. Они совершили подвиг, подбили танки. За этот подвиг им присвоили Героев. Считалось, что они все погибли. Но нет, три человека оказались живыми, в плену. И после того, как они вернулись из плена, у них отобрали награды. Их лишили наград. Казалось бы, почему? Ведь они же что сделали, то сделали. И за то, что они сделали, их немцы должны были наказать. Они же немецкие танки пожгли, немцев подбили. Однако немцы их, по разным причинам, не наказали. Так почему должны мы? Только потому, что в последующей своей жизни они что-то совершили не так? И наказывать их, игнорируя их подвиг? А ведь это сплошь и рядом.

И.А. *Болезненный вопрос отношения к пленным?*

В.Б. Разные бывают обстоятельства. Были случаи, когда в плен сдавались, были случаи, когда в плен брали, и были случаи, когда в плен сдавали. Армия, массы войск, оказавшись полностью дезорганизованными: без командования, без боеприпасов, без продовольствия, без всякого управления, – что это такое, как не сданные? По сути дела, сданные врагу. Были те, которых взяли в другой обстановке: ранеными и так далее. Ну, и третий случай, когда в плен намеренно сдавались. Перебежчики. Поэтому явление это очень сложное. Но дело в том, что теперь военные, как обычно, занимают уставную позицию по отношению к пленным. То есть всякий пленный – это, значит, преступник. Но я думаю, что спустя столько лет после прошлой войны общество должно изменить к пленным своё отношение: никак не герои, это ясное дело, но и перестать к ним относиться как к преступникам. Теперь уже трудно, естественно, отличить того, кто сам сдался, от того, кто был сдан. Да и не нужно, наверное, этого делать. Потому что мы же знаем, что в плену тоже был не мёд, и многие, очень многие прошли через плен и не выжили, там погибли так же, как на фронте. Поэтому, наверное, мы просто должны проявить к пленным какое-то милосердие. Хотя бы. И смягчить своё к ним неприятие. Я так думаю. Потому что просто относиться к ним так, как относились мы к ним во время войны, будет неправильно. Это будет негуманно, это будет античеловечно. Это просто участники войны, конечно. Прежде всего. И всё. Награждать их за это не стоит, видеть в них героев – тоже нет. Но это участники войны, которые претерпели всё, что уготовано человеку претерпеть на войне. И был фронт, и была война, и был плен. Который тоже – не дай Бог. А военные до сих пор не могут это понять, потому что они всегда прагматически судят. И

им кажется, что, сто́ит оправдать пленных прошлой войны, как в Афганистане перебегут и сдадутся душманам наши воины. Тут уже связь, как говорится, конкретная. Положительного героя дай – все прочтут и будут такими, как положительный герой. А вот отрицательного героя увидят – и армия ухудшится. Так они и сортируют литературу: ту, которая издаётся в «Воениздате», и ту, которая не издаётся. Скажем, ни Быкова, ни Симонова, ни Бондарева, ни Бакланова там не издают – так сказать, «литература non grata». Издают других. И комплектуют свои библиотеки так же. Но это за пределами литературных и других рассуждений.

И.А. Василь Владимирович! От чего бы Вы хотели меня предостеречь в работе по Вашему творчеству?

В.Б. А зачем же предостерегать. Я выслушал основные положения и думаю, что они правильные. Они правильны, умны, честны. Это очень важно. А предостеречь Вас я хотел бы вот от чего. Когда-то, много лет тому назад, я разговаривал об одной диссертации Василя Бурана...

И.А. Да, у него вышла книга о Вашем творчестве. Первый очерк...

В.Б. Вот. И он её защищал, кажется, три раза. И его «резали», и уничтожали, переписывали её оценки. То есть его заставляли, конечно. И мы с ним вот так разговаривали. И я ему наговаривал, что там ухудшить, так сказать, что извратить. Потому что, Вы сами понимаете, мне было жалко его работы, это продолжалось несколько лет. И сам он человек хороший был. Честный человек. Так вот, я бы хотел, чтобы Вы не уступили, потому что хватает у нас ещё до сих пор людей, которые начнут Вам возражать и «калечить». И если Вы что-то сделаете вопреки своей совести и своим убеждениям, то потом, спустя какое-то время, Вам будет стыдно. Но дело уже будет сделано, напечатано, и исправить его будет нельзя. Поэтому деритесь за каждую Вашу честную мысль.

И.А. Спасибо, Василь Владимирович.

В.Б. Ваш руководитель Адамович – светлая голова, и на него можно смело опираться. Не в смысле того, что он поможет. Иногда «повредит», ясное дело. То есть «повредит» перед оппонентами, которые могут быть разными. Что бы Адамович ни выдвигал, многие у нас, в Минске, сразу же против, потому что они знают, что́ это такое. Но по большому счёту, конечно, на него всегда можно надеяться, опираться. Даже если это теперь не идёт и встречает возражения, то в 21 веке это пойдёт. То, что идёт, исходит от Адамовича.

И.А. Большое спасибо, Василь Владимирович, за эту встречу и беседу!

